

РГГУ, РУДН и Литинститута, ИВИ РАН. По материалам конференции также был выпущен в издательстве РУДН сборник «Олимпийские игры в политике и культуре. Сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». Москва, РУДН, 19 апреля 2013 г.». В этом издании несколько разделов: «Спорт и политика», «Спорт и культура», «Древняя Олимпия», «Награды на панэллинских и локальных играх», «Спорт и ритуал». Данное издание включило в себя не только статьи, но и переводы.

НИКИШИН В. О.

(к. и. н., старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ В РОЛИ АДМИНИСТРАТОРА: ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ И ПРОВИНЦИАЛЫ

Политический деятель, сенатор, писатель и адвокат, Гай Плиний Цецилий Секунд, жил в эпоху, когда Римская империя, официально остававшаяся *res publica restituta*, на деле всё более напоминала абсолютную монархию эллинистического типа, а принцепс «постепенно освобождался от власти законов и неуклонно превращался в абсолютного монарха» [Кнабе, 1981, с. 15]. В «Панегирике императору Траяну» (100 г.) Плиний, явно имея в виду принципат Домициана, вспоминает о том сравнительно недавнем времени, когда принцепс был «выше законов (*supra leges*)» (Plin. Paneg. 65. 1). Уже Цезарь заявлял, что «люди должны считать слова его законом» (Suet. Iul. 77. Здесь и далее цит. в пер. М. Л. Гаспарова). Калигула считал, что может «сделать что угодно и с кем угодно» (Suet. Cal. 29. 1). Сам он, безусловно, видел себя монархом (Suet. 22. 1). Нерон как-то сказал, что, вероятно, «ни один принцепс не знал всей безграничности своей власти» (Suet. Ner. 37. 3). Упрочивая собственное единовластие, Домициан присвоил себе титул «господин и бог (*dominus et deus*)» (Suet. Dom. 13. 1–2). Усилиями одиозных императоров I в. «создавался политический климат, при котором принцепс и в собственных глазах, и для империи в целом превращался из римского магистрата в эллинистического царя-бога» [Там же, с. 180].

С приходом к власти династии Антонинов в лице Марка Кокцея Нервы (96 г.) изменилась не форма принципата, а его содержание: отныне принцепс не на словах, а на деле являлся «первым среди равных» (*princeps inter pares*) и правил в согласии с сенатом. Недаром Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий были охарактеризованы в историографии как «пять хороших императоров» (Э. Гиббон). Как известно, при первых Антонинах Плиний Младший достиг весьма высоких постов в служебной иерархии: став при Нерве префектом эрария, в 100 г., при Траяне он был назначен консулом-суффектом, в 103 г. стал авгуром и в дальнейшем занимал должность смотрителя Тибра. В 110 г. Плиний, находясь в числе приближённых Траяна и пользуясь его исключительным доверием, получил ответственное назначение императорским легатом в провинцию Вифиния с задачей проконтролировать расходование финансовых средств на местах (ср.: Plin. Ep. X. 18. 3). Миссия Плиния носила экстраординарный характер: в провинции он должен был выполнять функции и наместника, и куратора, т. е. инспектора по финан-

совой части. Как писал Плинию Траян, «я поэтому выбрал тебя, человека благоразумного, чтобы ты сам упорядочил обычаи этой провинции и установил порядки, которые навсегда обеспечат этой провинции мирное житьё» (Plin. Ep. X. 117. Здесь и далее цит. в пер. М. Е. Сергеевко).

По словам известного специалиста по истории принципата Н. Перселла, «поиски бюрократии в римском мире тщетны» [Purcell, 1986. P. 580]. В эпоху, о которой идёт речь, в распоряжении императорского легата в провинции находился весьма ограниченный круг людей: сенаторы младшего ранга, квестор, технический персонал (ликторы, курьеры, секретари, писцы, архивариусы и т. д.), добровольные спутники и помощники наместника (т. н. *amici* — «друзья»), наконец, военнотрудовые, которые несли охранную и полицейскую службу. Таким образом, административный аппарат в провинции был совсем небольшим, профессиональные управленцы в нём практически отсутствовали. Контроль за деятельностью провинциальной администрации осуществляли назначенные принцепсом кураторы (*curatores*). Их тоже было сравнительно немного, проверки проводились выборочно и нерегулярно, от случая к случаю. «Порученцам» принцепса, особо доверенным лицам вроде Плиния Младшего, приходилось постоянно совершенствовать свои административные навыки, *volens-nolens* расширяя сотрудничество с представителями местных элит.

В этих условиях исключительно важную роль в управлении на местах играли представители городских общин. Последние обладали широкой автономией в плане самоуправления и юрисдикции, но финансы находились под более или менее эффективным контролем со стороны римских властей. Для того чтобы ввести в какой-нибудь провинции новые налоги, требовалась санкция императора, который вмешивался в ситуацию посредством переписки с должностным лицом, представлявшим в провинции центральную власть. Хрестоматийным примером является переписка Плиния Младшего с Траяном. Доверительный характер переписки удостоверяется обращением императора «мой дорогой Секунд» (Plin. Ep. X. 16; 18; 20; 36; 44; 50; 53; 55; 60; 80; 82; 89; 95; 99; 101; 115; 121); характерно, что сам Плиний обращается к Траяну так же, как в старину раб обращался к господину или вольноотпущенник — к своему патрону, т. е. «государь», или «владыка» (*domine*). Из ответов Траяна следует, что император заботился в первую очередь о поддержании боеспособности расквартированных в провинции воинских частей (Plin. Ep. X. 20. 2; 22. 2), сохранении финансовой стабильности (Plin. Ep. X. 24; 55; 109; 111), пресечении злоупотреблений местной администрации (Plin. Ep. X. 18. 3; 38) и обеспечении общественного порядка в провинциальных городах (Plin. Ep. X. 20. 1–2; 34. 1).

Переписка Плиния с Траяном свидетельствует о том, что наместник управлял провинцией, что называется, «в ручном режиме»: приезжая в тот или иной провинциальный город, Плиний вникал в местные проблемы самого различного свойства, после чего обращался за санкцией к императору. Так, едва прибыв в Прусу, Плиний сообщает Траяну о том, что погрузился в изучение местной финансовой документации и сетует на вскрытые им злоупотребления (Plin. Ep. X. 17A. 3). Вскоре он сообщает о том, что решил усилить охрану тюрьмы, порученную городским рабам, за счёт расквартированной поблизости воинской части, и запрашивает мнение принцепса на сей счёт

(Plin. Ep. X. 19. 1–2). Затем на рассмотрение императора выносится вопрос о предполагаемом строительстве для жителей Прусы новой общественной бани взамен прежней, «старой и грязной» (Plin. Ep. X. 23. 1. Ср. 70. 1–3); тут же Плиний спешит заверить Траяна, что «деньги на постройку будут» (ibid. 2).

Из опустошённой пожаром Никомедии деятельный легат направляет в Рим предложение организовать в городе пожарную команду (Plin. Ep. X. 33. 3). В дальнейшем императору также придётся решать вопрос о строительстве в Никомедии нового водопровода (Plin. Ep. X. 37. 1–3), причём Плиний убедительно просил Траяна прислать из столицы инженера-гидравлика и архитектора (ibid. 3). После вопроса о снабжении водой вифинской столицы одна за другой возникают проблемы провинциальных «долгостроев»: театр и гимнасий в Никее (Plin. Ep. X. 39. 1–4), общественная баня в Клавдиополе (ibid. 5–6), канал близ Никомедии (Plin. Ep. X. 41. 2–5; 61. 1–5). Плиний обращается к Траяну, как к великому понтифику, за разрешением перенести несколько захоронений по просьбе родственников погребённых (Plin. Ep. X. 68), просит разрешить строительство водопровода в Синопе (Plin. Ep. X. 90), спрашивает у императора совета в связи со следствием по делу христиан (Plin. Ep. X. 96. 1–10), наконец, просит разрешения засыпать клоаку в Амастриде (Plin. Ep. X. 98. 1–2). Этими и им подобными мелочами, деталями административной рутины заполнена переписка императорского легата с главой государства, который вникал во все эти мелочи и выносил окончательное решение, терпеливо и обстоятельно разъясняя свою позицию адресату.

В чём же причина такого положения дел? Разумеется, Плиний — императорский легат и отвечает за свои действия непосредственно перед императором. По словам императорского порученца, Траян сам дал ему право обращаться к принцепсу «в сомнительных случаях» (Plin. Ep. X. 31. 1). Если к этому добавить присущую Плинию «болезненную неуверенность в себе» [Сергеенко, 1982, с. 281], отчасти станет ясна причина известной «перестраховки» с его стороны. Кроме того, в одном из своих писем императору Плиний признаётся, что толком не знает пределов своих полномочий: «Прошу тебя, удостой меня быть моим руководителем и скажи, чего, по-твоему, мне держаться. Боюсь, как бы не показалось, что я или превысил свою власть, или не воспользовался ею до конца» (Plin. Ep. X. 47. 3). Характерно, что, проверяя финансовую отчётность в Апамее и вместе с тем опасаясь нарушить старинные привилегии местных колонистов, Плиний из соображений все той же «перестраховки» направляет в императорскую канцелярию протоколы допросов, которым по его распоряжению были подвергнуты апамейские магистраты; при этом он отдаёт себе отчет в том, что значительная часть изложенного в этих документах не имеет никакого отношения к делу (ibid. 2). Идёт ли речь о представительских расходах византийского посла или о просроченных подорожных, Плиний в обязательном порядке запрашивает мнение Траяна: «Прошу тебя, владыка, отпиши мне, что ты думаешь, и удостой или подтвердить моё решение, или исправить мою ошибку» (Plin. Ep. X. 43. 4. Ср.: Ep. X. 45). Вместе с тем некоторые вопросы Траян предоставляет Плинию решать самостоятельно (Plin. Ep. X. 40. 1—3; 55; 60; 62; 69; 76; 84; 117).

Таким образом, благодаря переписке Плиния Младшего с Траяном выясняются многие любопытные детали провинциального управления при Антонинах. Римский наместник контролировал деятельность муниципальных

властей, по необходимости вмешиваясь в процесс управления или судопроизводства. В эпоху Антонинов наместники в провинциях и местные магистраты действовали параллельно, в чём-то дублируя, в чём-то дополняя друг друга. Это была практика «регулярного взаимодействия» [Burton, 1987. P. 426], или сотрудничества [Смышляев, 1997, с. 32]. Сложившаяся система управления вполне отвечала интересам обеих сторон — как имперских властей, так и провинциальных элит. Обладая солидным запасом прочности, эта система относительно благополучно функционировала вплоть до кризиса III в., потрясшего самые основы греко-римской средиземноморской цивилизации¹.

САВЧЕНКО И. А.

(аспирант ИА РАН, отдел теории и методики)

ЯН ГРЭМ: «ПОСЛЕДНИЙ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ» МАЙЯСКИХ ГОРОДОВ

Кабинетная эпиграфика — и майяская эпиграфика не исключение — требует наличия в распоряжении исследователя прорисовок иероглифического текста, в идеале дополненных фотографиями. Качественные фотографии и прорисовки — залог успешной работы эпиграфиста.

Я. Грэм — человек, перевернувший представление о том, что такое прорисовка иероглифического текста — и выведший её на совершенно новый уровень. Грэм родился 12 ноября 1923 г. на юго-востоке Англии в знатной британской семье. Дедом мальчика был Д. Грэм, V герцог Монтроз и глава одного из знатнейших в Великобритании домов «шотландских Монтрозов», а бабушка по материнской линии владела одной из крупнейших британских газет того времени — «Morning Post». Большую часть детства будущий исследователь провел во владениях деда — на острове Арран в Шотландии: другом детства Грэма был будущий князь Монако Ренье III, а среди людей, которые окружали Грэма, были и такие фигуры, как Редьярд Киплинг.

С детства у Грэма наблюдалась сильная тяга и способность к техническим наукам. По воспоминаниям самого Грэма, во время учебы в колледже Винчестера он собрал из подручных материалов радиоприемник, аэродинамическую трубу и даже некое «подобие миномета» [Graham, 2010, электронный ресурс]². После Винчестера Грэм отправился в Дублин и поступил в Тринити Колледж, входивший в структуру Оксфордского университета. В качестве дисциплин для изучения были выбраны физика, кристаллография и электроника, однако Грэм так и не окончил свое обучение. С началом войны он был принят на службу в Королевский военно-воздушный флот Её величества, где он оказался вовлечен в передовые секретные разработки радарных

¹ По мнению В. И. Кузицина, «в целом уровень экономического, социального и политического развития, культурного процветания, цивилизованного образа жизни был такой, что для большинства народностей, этносов, племенных объединений жить в Империи и быть приобщенным к образу жизни римского подданного было желанно, выгодно и почётно. Неудивительно, что Римская империя существовала как прочное государственное образование, как средиземноморская цивилизация в течение очень продолжительного срока» [Кузицин, 2006, с. 11].

² *Graham, Ian. Road to Ruins, University of New Mexico Press, 2010. Pp. 21–38* — Режим доступа: <https://muse.jhu.edu/books/9780826347565?auth=0>.